

Т.О. Арчакова

ТЕОРИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ: ПОЛВЕКА РАЗВИТИЯ, ПОЛВЕКА КРИТИКИ

Теория привязанности Дж. Боулби до сих пор пользуется популярностью среди исследователей и практиков, а обширный корпус критики – наилучшее тому доказательство. С точки зрения этологов, теория привязанности наделяет внешние поведенческие акты сомнительно обоснованным психологическим содержанием. Психологи, работающие в русле социального конструкционизма, отмечают оторванность теории привязанности от культурного, исторического и политического контекстов.

Иногда критика теории привязанности возникала в ответ не на оригинальные работы Боулби и Эйнсворт, а обращалась на текущее ее состояние и возникающие искажения. Так в 1970е многие авторы рассматривали привязанность скорее как личностную черту или набор черт, а не как форму поведения, в результате чего, по мнению некоторых, «привязанность исчерпала свой потенциал в качестве понятия из арсенала психологии развития».

Привязанность...?

Многие этологи настороженно отнеслись к распространению на человеческое поведение экспериментов, проведенных на животных. В 1960-1970-ые гг ими предлагались альтернативные подходы к выявлению паттернов поведения привязанности, например, удаление на определенную дистанцию от матери на прогулке или собирание мелких предметов (камушков, веточек) для того, чтобы вручить их маме. Robert Hinde выразил озабоченность в отношении того, как понимается сам термин «привязанность». Он отметил, что слово «привязанность» описывает наблюдаемые ученым данные (акты поведения), а не некий внутренний механизм, изоморфный поведению и используемый в качестве его объяснения.

«Наблюдение за тем, как маленький ребенок ведет себя по отношению к матери в ее присутствии, а особенно в ее отсутствие, может сделать огромный вклад в наше понимание развитие личности» (Bowlby, 1969, p. 3), однако «модель привязанности строится на поведении во время сепарации – краткого стрессового события; более широкое понимание привязанности требует наблюдений за взаимодействием матери и младенца в естественных ситуациях» (Field, 1996, p. 543). Поведение по отношению к объекту привязанности в моменты расставания и воссоединения – недостаточные факторы для описания типа привязанности.

Еще одна проблема заключается в том, что, хотя Боулби и говорил о вторичных объектах привязанности, «описание форм поведения привязанности ограничено теми, которые

направлены на первичный объект привязанности (в основном, на мать); однако привязанность к другим лицам может проявляться в поведении совсем иначе» (Field, 1996, p. 544). Например, ребенок может плакать и следовать за уходящей матерью, но из-за разлуки с сиблингом он может просто стать более возбудимым или испытывать проблемы с засыпанием. Также есть вопросы к существованию единственного основного объекта привязанности – ведь у взрослых наблюдаются одинаково сильные привязанности к нескольким близким – например, к ребенку и к супругу.

Рассмотрев эти ограничения теории Дж.Боулби, Т. Field предложила собственную модель привязанности (Field, 1996, p. 545): «Экономная модель привязанности должна будет объединить множественные привязанности к разным лицам на разных жизненных этапах. Мы используем психолого-биологическую модель, которая фокусируется на отношениях между двумя людьми, на том, что они делают друг с другом и что теряют при разлуке. В этой модели привязанность понимается как отношения, которые устанавливаются между двумя или более существами по мере их взаимной подстройки, в которых каждый создает для другого значимую мотивацию для поддержания необходимого уровня активности, а сепарация неизбежно вносит физиологическую и поведенческую дезорганизацию».

Harris (1998) выдвигает ряд возражений к теории привязанности: во-первых, ребенок активно включен не только в диадические отношения, но и в более широкий социум, эмоциональные связи с которым могут быть даже более тесными, например, в расширенной семье. Она также отстаивает идею о более сильном влиянии на ребенка эмоциональных связей со сверстниками.

Феминистские исследовательницы отмечают неоднозначное влияние теории привязанности, с которой в той или иной мере уже знакомы все образованные женщины, на бытующие в обществе представления о «хорошей матери». Как сказывается подобная информация на матерях, которые вынуждены отдавать детей в ясли, чьи дети родились недоношенными или по другим причинам провели первые месяцы жизни вне постоянного контакта с матерью, и, особенно, на женщинах, усыновивших ребенка? Скорее всего, вызывает чувство собственной неадекватности и снижение самооценки. Однако Боулби, несмотря на постоянное использование слова «мать» в своих работах, все-таки вел речь об основном лице, заботящемся о ребенке (primary caregiver), независимо от его пола и степени родства с ребенком (Bretherton, 1992).

Должны быть и другие факторы, определяющие специфику отношений привязанности, кроме количества времени, которое родитель и ребенок проводят во взаимодействии. Во-первых, это качество взаимодействия, которое зависит не только от родительского отношения к ребенку, но и от его общего психологического благополучия родителя, в том числе, а также от объективных условий жизни, способствующих или мешающих сосредоточению на ребенке. Vaughn et al. (1979) использовал методику М.Эйнсворт «Ситуация с незнакомцем» для изучения 100 пар «мать-младенец» из малообеспеченных

семей в возрасте 12 и 15 месяцев. Также матерям раздавался опросник для оценки уровня стресса, который они испытали в этот период жизни. У 38% детей было зафиксировано изменение надежной привязанности на тревожную, и именно их матери переживали самый сильный стресс. Вторым важным фактором является темперамент самого ребенка.

Неверно сводить понимание привязанности в младенчестве к аналогу вакцинации, который, однажды возникнув, непременно обеспечивает защиту от недугов и благополучное развитие. Главный аргумент против такой трактовки – жесткий детерминизм дальнейшего развития событиями раннего опыта, не подтвержденный большинством современных исследований, и некорректные ссылки на него не-психологов. Так один сенатор США, отстаивая законопроект об увеличении продолжительности отпуска по уходу за ребенком, заявил, что «дети, которые не установят связи с матерью в младенчестве, впоследствии не смогут установить ее с обществом». Подобное высказывание из уст политика содержит в себе, помимо благих намерений, маргинализацию детей, которые не могут похвастаться успешным стартом, - представление о них, как о будущих асоциальных личностях.

Shaffer and Emerson (1964) исследовал неработающих матерей, проводящих весь день с малышом и полностью заботящихся о нем. Все отцы в исследовании работали. Но несмотря на это, только половина детей выражала протест при расставании с матерью. Часть из них были так же сильно привязаны к отцам, старшим сиблингам, бабушкам и дедушкам, причем некоторые – привязаны к отцам сильнее, чем к матерям. Объектами привязанности становились члены семьи, про которых матери говорили, что они «портят» детей, слишком много нося их на руках или играя с ними. Это исследование показало, что основной объект привязанности может не только быть множественным, но и не совпадать с основным лицом, ухаживающим за ребенком.

Национальный институт детского здоровья и развития по заказу правительства США исследовал влияние посещения яслей и детского сада на 1100 детей в возрасте до 3 лет (NICHD, 1997), в том числе и с помощью «ситуации с незнакомцем». Был сделан вывод, что «дети с длительным опытом посещения детских дошкольных учреждений не отличаются от детей, находящихся дома, по интенсивности реакции на разлуку с матерью в «ситуации с незнакомцем». Однако исследование проводилось в семьях среднего класса, что обеспечивало им доступность детских садов с малой наполняемостью и высоким профессиональным уровнем ухода за детьми.

Более того, в лонгитюдном исследовании детей, которые провели первый год жизни в сиротском учреждении, было показано, что отсутствие стабильного объекта привязанности не обязательно оказывает серьезные и неисправимые последствия на развитие детей. Уже в младшем школьном возрасте единственным различием между ними и детьми из благополучных семей была повышенная потребность во внимании учителя (Clarke and Clarke, 1979; Tizard, 1979). Необходимо отметить, что воспитатели в

данном учреждении, хоть и не были закреплены за определенными детьми и постоянно менялись, но прошли специальную психолого-педагогическую подготовку и вступали с детьми в эмоционально насыщенные контакты.

На наш взгляд, возможные нарушения привязанности не должны становиться новым «научным» барьером между детьми-сиротами и обществом как, например, «дурная генетика». Но определяющая роль младенческой привязанности для всей последующей жизни резко возрастает, если мы берем в расчет тяжелые формы материнской (и, шире, психической) депривации, ведущие к соматическим дисфункциям и органической патологии мозга.

...и потеря?

Работы Боулби несут в себе дух позитивизма – они описывают теорию, претендующую на универсальность и представляющую собой вне-исторический и вне-культурный взгляд на развитие человека. Например, известно, что трехтомник Attachment and Loss был создан под влиянием событий Второй мировой войны и послевоенных лет: появлением как большого числа сирот, так и множества семей, потерявших близких. Newcombe & Lerner отмечают, что суровый уклад жизни во время войны сделал невозможными выполнение всех традиционных действий, связанных с похоронами, поминками, оплакиванием и т.д. Значительная часть этих традиций после войны «осталась за бортом», поэтому реакции на потерю близких, которые Боулби наблюдал как психотерапевт, были не типичны для людей вообще, а типичны для культуры, только что утратившей способы осмысления пережитого горя и символического восстановления связей с умершими близкими. Переход от трактовки горя и практик горевания, принятой в традиционной культуре – как способа почтить память умершего и восстановить с ним связь – к идее механизма адаптации к реальности – еще один пример такого подхода.

Исследования Боулби скорее направлены на активацию / дезактивацию поведенческих систем и на актуальные отношения, нежели на интернализированные аспекты отношений, прерванных смертью близкого. Поэтому они не могут объяснить «значение привязанности и эмоциональных связей в развитии истинно человеческой самости» (Greenberg and Mitchell, 1983: 187).

По словам Г.В. Бурменской, «сегодня поздно и несправедливо упрекать Боулби за то, что в своих исследованиях он прошел мимо культурно-исторической теории», и, можно добавить, других неклассических и постнеклассических школ. Несмотря на свои ограничения, теория привязанности может органично сочетаться с другими теориями в самых разных направлениях (в основном практической) психологии (<http://psyjournals.ru/articles/d7202.shtml>).

Литература:

- Beverly Birns, [Attachment Theory Revisited: Challenging Conceptual And Methodological Sacred Cows](#) // Feminism Psychology 1999; 9; 10
- Erin J. Lee. The Attachment System Throughout the Life Course: Review and Criticisms of Attachment Theory
- Field, T. (1996). Attachment and separation in young children. Annual Review of Psychology, 47, 541-562.
- Harris, J. R. (1998). The nurture assumption: Why children turn out the way they do. New York: Free Press.
- Hinde, R. (1982). Ethology. Oxford: Oxford University Press. P. 229.
- Rose, J. Cleary III. Bowlby's Theory of Attachment and Loss: A Feminist Reconsideration // Feminism Psychology 1999; 9; 32